

Н.М.Яковлева, П.П.Яковлев

Три волны системного кризиса в Латинской Америке

На рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. Латинскую Америку захлестнули волны системного кризиса, в очередной раз латиноамериканские страны вступили в зону повышенной турбулентности. Характерной особенностью нынешнего этапа кризисных потрясений стало испытание на прочность всех экзистенциальных структур жизнедеятельности региона (и без того переживавшего не лучшие времена) невиданной доселе пандемией *COVID-19*. Эпидемия коронавируса, поставившая ряд государств Латинской Америки буквально на грань выживания, возникла в контексте ухудшающегося экономического положения, близкой к коллапсу социальной ситуации, политической нестабильности и акцентировала существующие и назревающие «болевы́е точки» в странах региона. Таким образом, в Латинской Америке образовалось тесно переплетенное триединое пространство системного сбоя — экономический обвал, обострение социально-политической обстановки и проблемные зоны в сфере здравоохранения. В статье дана характеристика указанных трех составных частей системного кризиса: проанализирован экономический крах современного латиноамериканского популизма, прочерчен социальный ландшафт, на фоне которого развивались массовые протесты 2019 г., и, наконец, вскрыты причины «попадания» региона в эпицентр пандемии *COVID-19*, несмотря на географическую удаленность Латинской Америки от очага возникновения коронавируса.

Ключевые слова: Латинская Америка, экономический кризис, популизм, социальная ситуация, массовые протесты, политическая нестабильность, пандемия *COVID-19*.

DOI: 10.31857/S0044748X0011327-8

Статья поступила в редакцию 15.06.2020.

Для подавляющего большинства государств Латинской Америки 2019—2020 гг. стали временем тяжелых испытаний, одним из тех исторических рубежей, которые разделяют траекторию общественного развития

Наиля Магитовна Яковлева — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, nel-yakovleva@yandex.ru); **Петр Павлович Яковлев** — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21), профессор Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова (РФ, 117997 Москва, Стремянный пер., 36, petp.yakovlev@yandex.ru).

региона на «до» и «после». Сейчас можно с уверенностью констатировать, что нет такой латиноамериканской страны, такого национального социума и такой отрасли региональной экономики, которые бы не оказались втянуты в воронку глубокого системного кризиса.

В анналах новейшей истории Латинской Америки далеко не просто найти похожий период, настолько полный драматизма и неуверенности в завтрашнем дне. И вот почему: уникальность нынешнего положения в регионе определяется тем, что оно являет собой сопряжение трех дестабилизирующих кризисов, образующих ситуацию «идеального шторма» — такого сочетания неблагоприятных факторов, в результате которого их суммарный негативный эффект значительно возрастает, приобретает всеобъемлющий, системный характер [1]. Речь идет о следующих кризисах последнего времени. Во-первых, — экономическом, главными индикаторами которого стали резкие перепады цен на сырьевых рынках, нарастание финансовых трудностей, спад деловой активности, торможение роста ВВП, застой внешней торговли и сокращение ее объема, ухудшение материального положения большинства населения.

Во-вторых, регион попал в лабиринт социально-политических проблем. В 2019 г. по странам Латинской Америки прокатилась волна массовых протестных выступлений, нередко принимавших характер организованных антиправительственных акций. Основной причиной протестов стало растущее недовольство углублением разрыва в доходах между правящим классом и подавляющей частью граждан, разгулом коррупции, неспособностью властей решить в интересах нации накопившиеся экономические проблемы и преодолеть тот застой, в котором оказались латиноамериканские государства [2].

И, в-третьих, можно говорить о санитарном кризисе, вызванном эпидемией *COVID-19* и охватившем, прежде всего, сферу здравоохранения. Но не только. В условиях коронакризиса, ухудшения региональной эпидемиологической ситуации и возникновения в Латинской Америке крупных очагов пандемии правящие элиты стран региона столкнулись с новыми для них проблемами, к оперативному решению которых готовы были далеко не все. В результате санитарный кризис очень быстро стал тестом способности государственных органов (и латиноамериканских обществ в целом) адекватно реагировать на вызовы XXI в.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРАХ ПРАВЯЩИХ РЕЖИМОВ

К началу третьего десятилетия XXI в. Латинская Америка подошла с одними из худших в мире (а точнее — самых низких) показателей динамики хозяйственного роста. Если называть вещи своими именами, то наиболее подходящие термины для определения сформировавшегося тренда — «торможение», «отставание» и «застой». В результате в целом ряде латиноамериканских стран сложилась крайне неблагоприятная финансово-экономическая ситуация, чреватая сильными социально-политическими потрясениями и катаклизмами. Как убедительно свидетельствуют данные международной статистики, в 2015—2019 гг. регион по темпам прироста ВВП не только критически проигрывал торгово-экономическим конкурентам из числа развивающихся государств других районов мира (Азии,

Наиля Яковлева, Петр Яковлев

Ближнего Востока, Африки к югу от Сахары), но даже заметно отставал от большинства развитых стран, традиционно отличавшихся сравнительно невысокими показателями, а также ошутимо уступал среднемировому индикатору увеличения ВВП. Весьма показательным был и тот настораживающий факт, что в указанный период отрицательный экономический рост был зафиксирован только в Латинской Америке (таблица 1).

Т а б л и ц а 1

ТЕМПЫ ПРИРОСТА ВВП (изменение за год в %)

Группа стран, регион, страна	2002— 2014	2015	2016	2017	2018	2019
Весь мир	4,0	3,5	3,4	3,9	3,6	2,9
Развитые государства	1,7	2,3	1,7	2,5	2,2	1,7
США	1,9	2,9	1,6	2,4	2,9	2,3
Зона евро	0,9	2,1	1,9	2,5	1,9	1,2
Япония	0,8	1,2	0,5	2,2	0,3	0,7
Развивающиеся страны	6,2	4,3	4,6	4,8	4,5	3,7
Азия	8,2	6,8	6,8	6,7	6,3	5,5
Европа	4,3	0,9	1,8	4,0	3,2	2,1
Латинская Америка	3,3	0,3	-0,6	1,3	1,1	0,1
Ближний Восток	5,2	2,6	5,0	2,3	1,8	1,2
Африка к югу от Сахары	5,7	3,2	1,4	3,0	3,3	3,1

В 2002—2014 гг. — среднегодовой показатель.

Источник: IMF. World Economic Outlook: The Great Lockdown. April 6, 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed 11.06.2020).

Разумеется, откровенно контрпродуктивная тенденция к замедлению развития латиноамериканского региона, ярко проявившаяся во второй половине 2010-х годов, сложилась не вчера. Даже в период 2002—2014 гг., большая часть которого пришлась на времена так называемого золотого десятилетия Латинской Америки, динамика прироста регионального ВВП не достигала среднемировых показателей и практически в два с половиной раза уступала темпам, которые демонстрировали развивающиеся государства Азии. Как уже отмечалось на страницах нашего журнала одним из авторов этих строк, главная базовая причина нынешнего застойного положения заключается в том, что потерпели неудачу экономически необоснованные популистские проекты (например, Боливарианская революция), формировавшие парадигму общественного развития в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Никарагуа, Эквадоре и других странах региона в первые полтора десятилетия XXI в. Но вместе с тем фактически провалились, не найдя убедительных ответов на вызовы времени, политические лидеры, стоящие (в основном) на рыночных позициях. В результате правившие режимы всех без исключения политико-идеологических окрасок своей недостаточной компетентностью и серьезными стратегическими просчетами загнали экономику региона в ступор и нанесли населению латиноамериканских республик тяжелые социальные травмы [3].

К этим негативным явлениям следует добавить тектонические по своим последствиям внутривластные потрясения, прежде всего, громкие коррупционные скандалы и преждевременное отстранение от власти действующих глав государств, а также усиление иностранного соперничества в Латинской Америке, пробуксовку интеграционных процессов и обострение идейно-политических противоречий между самими латиноамериканскими странами (в частности, острые разногласия по поводу внутривластного кризиса в Венесуэле), дестабилизирующие обстановку в регионе.

Кризисная ситуация в Латинской Америке усугубилась зимой-весной 2020 г., когда на фоне распространения пандемии *COVID-19* и жестких ограничительных мер, принятых большинством стран, практически весь мир синхронно вступил в очередную экономическую рецессию (так называемый коронакризис). Для многих это стало полной неожиданностью, также как, например, обвальное падение цен на нефть. Однако нужно заметить, что об угрозе рецессии заранее предупреждали представители многосторонних организаций, ведущие международные *Think Tanks* и авторитетные эксперты. В качестве наиболее показательного примера сошлемся на мнение профессора Нью-Йоркского университета Нуриэля Рубини — одного из самых именитых и влиятельных экономистов, в свое время предсказавшего кризис 2008 г. и названного за его алармистские заявления «Буревестником кризисов» или «Доктором апокалипсис» (*Dr. Doom*).

В статье, опубликованной Н.Рубини в соавторстве с видным итальянским экономистом Брунелло Росой еще в сентябре 2018 г., авторы (внимание!) предрекали следующий глобальный кризис в 2020 г. и для обоснования своей позиции приводили ряд аргументов. В частности, Н.Рубини и Б.Роса прогнозировали перегрев экономики Соединенных Штатов, повышение инфляции и падение темпов экономического роста в этой стране, что могло повлечь за собой торможение общемирового хозяйственного роста [4]. Авторы как в воду смотрели: в феврале 2020 г., по сообщению Национального бюро экономических исследований (*National Bureau of Economic Research, NBER*), экономика США официально вошла в состояние рецессии после 128 месяцев непрерывного поступательного роста [5]. Вслед за этим стали стремительно ухудшаться макроэкономические индикаторы подавляющего большинства стран мира, включая государства Латинской Америки.

И вновь, как во второй половине 2010-х годов, итоги 2020 г. (по всем имеющимся оценкам международных экспертов) будут для латиноамериканских стран существенно хуже среднемировых показателей. Это видно при сравнении двух ключевых переменных — изменения размера ВВП и динамики стоимости экспортных поставок (таблица 2). Как видим, в обоих случаях падение для Латинской Америки в целом и наиболее развитых государств региона будет более глубоким, нежели для других районов мира. Исключение (подтверждающее правило) может составить экспорт Чили: эксперты прогнозируют некоторое увеличение его стоимостного значения, связывая это со сравнительно благоприятной конъюнктурой мировых цен на медь — главного товара чилийского товарного вывоза [6].

ДИНАМИКА ВВП И ЭКСПОРТА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(изменение в %)

Регион, страна	ВВП			Экспорт (стоимость)		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020
Весь мир	3,6	2,9	-3,0	3,8	0,9	-11,0
<i>Латинская Америка</i>	1,1	0,1	-5,2	0,8	-2,0	-14,8
Аргентина	-2,5	-2,2	-8,3	-0,7	9,4	-7,8
Бразилия	1,3	1,1	-7,4	3,3	-2,5	-14,7
Колумбия	2,5	3,3	-6,1	0,9	2,6	-15,8
Коста-Рика	2,7	2,1	-4,1	4,7	2,7	-10,4
Мексика	-2,1	-0,1	-7,5	5,9	1,1	-8,0
Чили	4,0	1,0	-5,6	5,1	-2,2	2,1

Источник: OECD Economic Outlook. Available at: <http://www.oecd.org/economy/outlook/statistical-annex/> (accessed 10.06.2020).

В чем ключевые отличия коронакризиса от других кризисных потрясений, пережитых Латинской Америкой в предыдущие годы? Нынешний кризис, если так можно выразиться, многогранен. Прежде всего, это, безусловно, санитарный кризис. В этом смысле он — как бы внешний (экстернальный) по отношению к социально-экономической сфере. Другими словами, пандемия *COVID-19* — не классический кризис, например, перепроизводства или схлопывания раздутых финансовых пузырей (как было в 2008—2009 гг.). Почему? Потому что коронакризис «перешагнул» через границы здравоохранения и стремительно приобрел макроэкономическую коннотацию, стал одновременно кризисом спроса и предложения: спрос упал в связи с сокращением доходов большей части населения практически всех латиноамериканских стран, а предложение — в результате временного закрытия тысяч предприятий и остановки многочисленных производств [7]. Вот такая получилась «гремучая смесь». В результате — беспрецедентное падение страновых, регионального и глобального ВВП. Указанные выше факторы, как представляется, будут определять и значительную растянутость во времени процесса выхода из кризиса. Вряд ли стоит ожидать скорого отскока. В принципе такого же мнения в отношении всей глобальной экономики придерживается упомянуты выше Н.Рубини. Из-за разрушительных эффектов коронакризиса он называет 2020-е годы «десятилетием отчаяния» [8]. Даже если этот прогноз излишне пессимистичен, все же очевидно, что в Латинской Америке сложилась предельно сложная ситуация. Об этом, в том числе, свидетельствует волна массовых протестных выступлений, прокатившаяся по странам региона.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ И МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ

Основными характеристиками современной социальной ситуации в Латинской Америке, свидетельствующими о нарастании кризисных явлений, являются увеличение численности живущих в бедности и крайней бедно-

сти латиноамериканцев, углубляющееся неравенство в распределении доходов, сохраняющиеся низкие показатели среднедушевого ВВП, растущая коррупция и неустойчивое положение среднего класса. Главным выражением социального кризиса становятся массовые протесты.

Данные, которые приводит в своем аналитическом докладе Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), демонстрируют, что в последние годы в регионе имел место интенсивный рост бедности. В самом деле, в 2018—2020 гг. население Латинской Америки выросло менее чем на 2%, тогда как количество живущих в бедности увеличилось почти на 19%, а в крайней бедности — на 33,4%. В результате в 2020 г. число бедняков вплотную приблизилось к 215 млн человек, что составило около 35% всего населения (таблица 3).

Т а б л и ц а 3

БЕДНОСТЬ И КРАЙНЯЯ БЕДНОСТЬ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Рост в %
Население (млн)	607,7	613,5	619,2	1,9
Количество и доля латиноамериканцев, живущих в бедности				
Млн человек	180,6	186,0	214,7	18,9
% населения	29,7	30,3	34,7	—
Количество и доля латиноамериканцев, живущих в крайней бедности				
Млн человек	62,5	67,5	83,4	33,4
% населения	10,3	11,0	13,5	—

Источник: CEPAL. Informe sobre impacto económico en América Latina y el Caribe de la enfermedad por coronavirus (COVID-19). Santiago: Naciones Unidas, 2020, p. 16.

Удручающе выглядят и данные региона о душевом уровне ВВП, которые не «дотягивают» до среднемировых значений и втрое меньше показателей стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), что подтверждает отставание латиноамериканских государств в экономическом развитии и низком уровне жизни их населения. Характерно, что, несмотря на сложности в глобальной экономике, во многих странах мира индикаторы уровня жизни улучшались, а в Латинской Америке наблюдался обратный процесс. При этом снижение темпов экономического роста и показателей душевого ВВП вызвало ухудшение положения не только беднейших слоев населения, но и значительной части среднего класса [9]. Все это объясняет растущее недовольство латиноамериканцев политикой властей, которые не в состоянии справиться с многочисленными проблемами, но одновременно обеспечивают себе и своему окружению высокий (а главное — постоянно растущий) уровень жизни. Именно откровенно несправедливое распределение национального богатства мобилизует гражданское общество на протестные выступления [2].

Значительный интерес представляет ситуация с восприятием коррупции в разных странах региона. В ежегодном рейтинге международной неправ-

тельственной организации *Transparency International* по индексу восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index, CPI*) средний показатель по странам Латинской Америки в 2019 г. составил 37,6 балла (при среднем мировом индексе равном 43 баллам). Поскольку, чем выше значение индекса, тем ниже коррупция, то можно заключить, что по степени коррумпированности латиноамериканские государства в своей массе превышают среднемировой уровень. Причем в сравнении с 2015 г. ухудшились показатели Никарагуа, Гватемалы, Боливии, Бразилии, Гондураса, Доминиканской Республики, Сальвадора, Панамы, Чили, тогда как положительная динамика отмечалась в Коста-Рике, Уругвае, Парагвае, на Ямайке и на Кубе. Аргентина и Эквадор стали лидерами в борьбе с коррупцией, улучшив в 2019 г. национальные показатели на 13 и 6 баллов соответственно, а Колумбия и Перу сохранили прежние позиции. Наименее коррумпированные страны региона — Уругвай, Чили и Коста-Рика с показателями выше 50 баллов. Особая ситуация у Мексики, чья позиция в рейтинге в 2019 г. улучшилась всего на 1 пункт в сравнении с 2018 г. и не достигла показателей 2015 г. Но благодаря антикоррупционным мерам, предпринятым правительством Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — н/в), ей удалось остановить падение в рейтинге, наблюдавшееся в последние годы. Самые коррумпированные в регионе — Венесуэла и Никарагуа. В Венесуэле расцвет коррупции пришелся на период правления президента Николаса Мадуро (2013 — н/в), в недавно представленном (последнем) рейтинге страна находится на 173-м месте из 180. Немного лучше обстоят дела и в Никарагуа (161-е место), где у власти в течение последних 12 лет находится президент Даниэль Ортега (2007 — н/в) [10].

Коррупция играет не последнюю роль в формировании конфликтогенного общественного климата, но до настоящего времени в протестном движении латиноамериканских стран преобладают выступления по социальным и политическим мотивам. Как показал опыт 2019 г., толчком к протестам, как правило, становится принятие властями непродуманных или поспешных решений, ведущих к ухудшению материального положения граждан, нарушение нормального функционирования легальных институтов коммуникации общества и власти. В таких случаях основная цель протестных акций — побуждение власти к диалогу, донесение до нее требований тех или иных слоев общества. На фоне падения жизненного уровня у социума возникает чувство неуверенности в будущем, рушатся надежды на дальнейшее повышение благосостояния. Недовольство граждан также часто связано со стремлением правящих классов присваивать незаслуженные привилегии и нарушать действующие законы.

В течение всего 2019 г. социальные протесты периодически вспыхивали в разных странах Латинской Америки, а к октябрю синхронно охватили несколько южноамериканских государств, в частности Эквадор и Чили. Здесь события развивались стремительно и привели к жестким столкновениям с силами правопорядка [11]. В Венесуэле и Боливии возникли конституционные кризисы, которые также сопровождались политическими акциями и противостоянием между частью населения и органами власти. В ноябре к числу южноамериканских государств, охваченных массовыми выступлениями, добавилась Колумбия, где организованная профсоюзами

всеобщая забастовка с требованием повышения заработной платы и улучшения условий труда была поддержана характерными для региона масштабными «кастрюльными бунтами» практически по всей стране [12].

То обстоятельство, что латиноамериканские страны на рубеже второго-третьего десятилетия XXI в. оказались слабым звеном глобальной экономики (со всеми вытекающими из этого последствиями), стало фактором, определяющим особую интенсивность и широкий размах протестов. При этом большинство акций носили четкий антиэлитный характер и отражали нарастающее недовольство значительной части населения экономической и социальной политикой властей. Выступления, как правило, перерастали в жесткие столкновения с органами правопорядка и приводили к человеческим жертвам с обеих сторон. Международные эксперты подчеркивали, что протестное движение в Латинской Америке явилось следствием социально-политического кризиса и подвергло испытанию всю систему государственного управления в странах региона [13].

Несмотря на то, что в каждой стране (в Боливии, Венесуэле, Колумбии, Никарагуа, Панаме, Чили, Эквадоре, на Гаити) наблюдалась четко выраженная специфика, причины протестной активности в Латинской Америке имели общую региональную основу. В первую очередь, это — непреодолимый барьер между властными элитами и остальным населением, сужение каналов общественных коммуникаций, растущий дисбаланс в образе и качестве жизни, нерешенность многих застарелых проблем как в социально-экономической, так и в политической сфере.

Пандемия *COVID-19*, охватившая почти все человечество, в странах Латинской Америки в известной мере «смешала многие политические карты» и усугубила и без того сложное социально-экономическое положение. Правящие круги, сфокусировав внимание на борьбе с коронавирусом, попытались «сбить» волну социальных выступлений, «растянуть» вызванную антиковидными мерами протестную «паузу» и развернуть общественные настроения от противостояния к социальному сотрудничеству. Однако негативные экономические последствия *COVID-19* еще больше ухудшили материальное положение миллионов латиноамериканцев, обострили проблему имущественного неравенства. В этих условиях коронавирус может стать бомбой замедленного действия в том, что касается нового этапа протестных выступлений на социальной почве.

РЕГИОН В ВОДОВОРОТЕ КОРОНАКРИЗИСА

Всего за несколько месяцев 2020 г. распространение пандемии *COVID-19* не только акцентировало сложившиеся в Латинской Америке кризисные тренды, но в значительной мере изменило латиноамериканскую реальность в ее основных аспектах — экономическом, политическом и социальном. При этом следует подчеркнуть, что за относительно короткое время в регионе несколько раз радикально менялось отношение к тем угрозам и вызовам, которые принес коронавирус. Если в марте в регионе наблюдалась известная недооценка опасности заболевания, масштаба и скорости распространения коронавируса, то уже в апреле наступил период чрезмерного оптимизма: победила уверенность, что ситуация находится под контролем,

в частности, благодаря запасу времени и принятым большинством стран превентивным мерам. Однако уже в конце апреля — начале мая пришлось убедиться в обратном: Латинская Америка превратилась в эпицентр глобальной пандемии. В свою очередь внутри самого региона образовались своеобразные субцентры, где обстановка ухудшалась особенно быстро. Это происходило, в частности, из-за тяжелой — по большинству параметров — социальной ситуации, слабой подготовленности систем здравоохранения, недостаточной информированности населения, поведенческих стереотипов и культурно-бытовых особенностей жизни людей [14].

Реакцию властей латиноамериканских стран на известие о глобальной беде можно весьма условно разделить на три категории: относительно быстрое и решительное введение мер в виде чрезвычайного положения или жесткого карантина (Перу, Парагвай, Аргентина, Колумбия, Эквадор, Боливия, Сальвадор); частичное ограничение свобод граждан и выборочное сокращение экономической активности (Чили, Куба); категорический отказ от признания необходимости изменений в функционировании экономики и в образе жизни населения (Бразилия, Никарагуа, Мексика). Несколько особняком стояли два страновых «кейса», в чем-то сходных со «шведским экспериментом». А именно: в Уругвае и Коста-Рике правительства призвали к соблюдению мер предосторожности и социального дистанцирования, но окончательный выбор оставили за гражданами.

Победителем регионального чемпионата по скепсису в отношении *COVID-19* стала Бразилия. Позиция президента Жаира Болсонару (2019 — н/в), откровенно говоря, не прошла проверку на оселке здравого смысла, как и его смелая попытка лично выступить в роли главного санитарного врача или вирусолога и назвать новое эпидемиологическое заболевание «легким гриппом» (*gripezinha*). В результате эта огромная, занимающая шестое место в мире по численности населения страна, по сути, стала полигоном испытаний коронавирусом [15]. Чрезвычайное положение на всей территории так и не было введено, лишь в двух больших штатах — Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро — губернаторы в конце марта объявили частичный карантин. Печальный промежуточный итог хорошо известен: с середины июня Бразилия занимает второе место в мире после США по количеству заболевших (более 850 тыс. человек) и числу умерших (свыше 43 тыс.) [16].

Другим примером неадекватного поведения стали действия правящей четы в Никарагуа. Даниэль Ортега и Росарио Мурильо не только отрицали серьезность эпидемиологической угрозы, но и побуждали население к участию в массовых мероприятиях. Сами президент и вице-президент страны, видимо, в целях предосторожности, укрылись на частном острове [17]. В это время, по многочисленным сообщениям местных и международных наблюдателей, в Никарагуа проходили так называемые экспресс-похороны скончавшихся от *COVID-19*, а их количество скрывалось или фальсифицировалось. Проблемы со статистикой наблюдались и в Венесуэле, а на Кубе шли жаркие дебаты относительно достоверности официальных данных [18].

«Неортодоксальную» тактику борьбы с вирусом поначалу выбрало правительство Мексики, встав на путь эксперимента по выработке своего рода коллективного иммунитета. Опираясь на опыт борьбы со «свиным» гриппом, или гриппом *A (H1N1)*, пережитым страной в 2009 г., президент Ан-

дрес Мануэль Лопес Обрадор еще в марте текущего года отказывался от принятия чрезвычайных мер, не разделял идею карантина и великодушно разрешал «обниматься». Но спокойствие длилось недолго. Уже 30 марта был объявлен «Национальный день безопасного дистанцирования», введен режим самоизоляции для людей старше 60 лет, прекращены занятия в учебных заведениях, а в апреле-мае на фоне распространения эпидемии коронавируса глава государства отдал распоряжение о временном закрытии предприятий «не первоочередной важности». При этом карантин в Мексике официально не был введен, чтобы не ограничивать работу гигантского неформального сектора экономики и не оставлять миллионы мексиканцев без средств к существованию [19].

К началу мая в странах региона, продемонстрировавших большое разнообразие в принятии мер борьбы с пандемией, насчитывались более 200 тыс. заболевших, что, в сравнении с другими регионами, было относительно немного. Наименьшее число инфицированных зарегистрированы в Уругвае, Парагвае и Коста-Рике. В Аргентине, Колумбии, Панаме ситуация складывалась терпимо, в то время как наиболее тревожные сведения приходили из Бразилии, Мексики, Эквадора и Перу.

Резкое увеличение количества заболевших произошло в течение мая, когда эпицентр пандемии переместился в Латинскую Америку. Безусловно, это стало результатом недостаточной эффективности мер, принятых, прежде всего, в Бразилии. По состоянию на 1 июня число зараженных *SARS-CoV-2* в регионе приблизилось к 1 млн человек, увеличившись почти в 4000 раз по сравнению с серединой марта (таблица 4).

Т а б л и ц а 4

**КОЛИЧЕСТВО ЗАРАЖЕННЫХ КОРОНАВИРУСОМ
В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

Страна	14.03.2020	01.06.2020	Рост (количество раз)	Место в мире/регионе
Бразилия	151	501985	3324	2/1
Перу	38	155671	4097	8/2
Панама	36	13018	362	45/9
Аргентина	34	16214	477	37/7
Коста-Рика	26	1047	40	109/18
Эквадор	26	38571	1484	26/5
Колумбия	16	28236	1764	27/6
Мексика	15	87512	5834	14/4
Дом. Республика	11	17285	1571	42/8
Боливия	10	9592	959	50/10
Парагвай	6	986	164	116/19
Куба	4	2045	511	95/16
Уругвай	4	821	205	128/20
Чили	3	94858	31619	13/3
Никарагуа	2	759	380	108/17

Венесуэла	2	1459	730	90/15
Гондурас	2	5094	2547	67/12
Гватемала	1	4739	4739	66/11
Сальвадор	0	2517	2517	84/14
Гаити	0	1865	1865	81/13
ВСЕГО:	387	984274	3840	—

Источник: Woldometer. Coronavirus. Available at: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (accessed 02.06.2020).

Судя по приведенным данным, наибольшего успеха в борьбе с пандемией достигли Уругвай, Парагвай и Коста-Рика, использовавшие разную тактику в борьбе с коронавирусом. Настоящая трагедия развернулась в Чили, где число зараженных в указанный период выросло более чем в 31 тыс. (!) раз — абсолютный мировой рекорд. Кроме того, наибольший прирост заболевших (в несколько тысяч раз) наблюдался в Мексике, Гватемале, Перу, Бразилии, Гондурасе, Сальвадоре. В конце мая в крупнейшей стране региона от заболевания *SARS-CoV-2* умирали более тысячи человек в день. Непростая ситуация сложилась в Эквадоре и Колумбии, а также в некоторых других странах. В середине июня, когда карантинные и прочие ограничительные меры были частично ослаблены, в регионе сложилась следующая картина по заболеваемости и смертности от последствий пандемии *COVID-19* (таблица 5).

О чем говорят все эти впечатляющие цифры? В первую очередь о том, что народы латиноамериканских стран оказались заложниками экономической отсталости и социальной несправедливости, низкого уровня подготовки и эффективности правящих элит и сомнительного политического лидерства. Да, в ряде стран, например, в Аргентине, Парагвае, Уругвае, действия глав государств и правительств сначала одобрило подавляющее большинство граждан, в других странах — отнеслось лояльно. Так, многие бразильцы терпеливо воспринимали девиантное поведение Ж.Болсонару, мексиканцам нравилась «мягкость» А.М.Лопеса Обрадора, чилийцы мирилась с нерешительностью Себастьяна Пиньеры. Однако затем ситуация стала меняться, так как пандемия *COVID-19* пришла в Латинскую Америку, чтобы остаться и, видимо, надолго. Обратимся к ситуации в Аргентине.

Положительный рейтинг недавно избранного президента Аргентины Альберто Фернандеса (2019 — н/в) достиг заоблачных высот (более 80% в марте 2020 г.) именно благодаря его роли в противостоянии пандемии *COVID-19* [20]. Управление ситуацией и поведение А.Фернандеса, лично возглавившего процесс, были признаны в стране и за рубежом образцовыми. Но по мере развития событий, пролонгации режима карантина и обострения социально-экономических проблем недовольство граждан неизбежно возрастало, а рейтинг президента стал падать (до 60% в конце мая и 49% в начале июля). Страна все глубже погружалась в беспрецедентный по размаху кризис, который, как предсказывают аналитики и фиксируют чиновники, превзойдет по своим негативным последствиям разрушитель-

ный кризис 2001—2002 гг. [21]. А ведь в июне 2020 г. пандемия коронавируса в Аргентине еще только набирала обороты, и ее главными жертвами становились беднейшие слои, густо населяющие «Большой Буэнос-Айрес» и одноименную провинцию. Специалисты-вирусологи считали, что через какой-то промежуток времени эпидемия может распространиться на северные провинции (к границам Бразилии, Боливии и Парагвая), а также на просторы Патагонии, где до сих пор отсутствуют нормальные условия жизни и ощущается острая нехватка учреждений медицинского обслуживания [22].

Т а б л и ц а 5

**ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ ОТ КОРОНАВИРУСА
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (по состоянию на 15 июня 2020 г.)**

Страна	Заболевшие	Летальные исходы	Индекс летальности, %	Кол-во смертей на 100 тыс.
Бразилия	850514	42720	5,0	20,39
Перу	220749	6308	2,9	19,72
Панама	20059	429	2,1	10,27
Аргентина	30295	815	2,7	1,83
Коста-Рика	1662	12	0,7	0,24
Эквадор	46356	3874	8,4	22,68
Колумбия	46994	1623	3,5	3,27
Мексика	142690	16872	11,8	13,37
Дом. Республика	22572	577	2,6	5,43
Боливия	17842	585	3,3	5,15
Парагвай	1261	11	0,9	0,16
Куба	2238	84	3,8	0,74
Уругвай	847	23	2,7	0,67
Чили	167355	3101	1,9	16,56
Никарагуа	1464	55	3,8	0,85
Венесуэла	2904	24	0,8	0,08
Гондурас	8455	310	3,7	3,23
Гватемала	9491	367	3,9	2,13
Сальвадор	3603	72	2,0	1,12
Гаити	4165	70	1,7	0,63
ВСЕГО:	1601516	77932	3,41	6,43

Источник: Johns Hopkins University. Coronavirus Resource Center. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/data/mortality> (accessed 15.06.2020).

Продвижение пандемии быстро остановить не удалось. В конце июля Бразилия, Перу, Мексика и Чили уже входили в первую десятку стран мира по числу заболевших (суммарно более 3 млн человек). Эти же страны, кроме Чили, находились среди десяти с наибольшим количеством летальных исходов (около 33 тыс. человек).

Общий вывод, который можно сделать из всей приведенной статистики, заключается в следующем: численность зараженных коронавирусом и количество летальных исходов не коррелируют напрямую со строгостью

введенных мер, а являются следствием системообразующих проблем, сложившихся в регионе моделей развития (или неразвития). Например, Перу одной из первых ввела жесткие меры предосторожности, что не помешало ей в мае 2020 г. опередить по количеству зараженных коронавирусом Китая. В конце мая Колумбия регистрировала до тысячи новых случаев заражения в день на атлантическом побережье. Можно сказать, что правительства этих двух стран приняли в целом адекватные и своевременные меры, но результаты явно оказались не на уровне ожиданий.

В то же время Парагваю, Уругваю и Эквадору, продемонстрировавшим различные подходы к решению проблемы коронавируса, удалось (правда с трудом) удержать ситуацию под контролем, хотя телевизионные кадры с улиц Эквадора еще в апреле вызывали ощущение гуманитарной катастрофы [23]. Сравнительного успеха достигла Куба, власти которой постепенно вводили многочисленные запреты — от закрытия границ до патрулирования улиц полицейскими нарядами. Но каковы будут последствия этих решений для экономики Острова свободы, которая и без сильнодействующих ограничительных мер находится в кризисе? [24].

Таким образом, можно констатировать, что опыт Латинской Америки ясно показал следующее: рецепты для борьбы с пандемией *COVID-19* могут быть разные, а степень распространенности коронавируса зависит от множества факторов, в том числе социокультурного и цивилизационного порядка. Но все же главным препятствием на пути преодоления форматора оказались структурные социально-экономические проблемы большинства стран региона, кризисные явления в политике, которые обострились из-за *COVID-19* и вновь обратили на себя пристальное внимание.

Системный кризис, волны которого захлестнули Латинскую Америку, станет очень жесткой проверкой на прочность экономических и социально-политических институтов региона. Следствием этого кризиса будет долгосрочное осложнение общественной ситуации в большинстве латиноамериканских стран. Сейчас нет недостатка в пессимистических прогнозах относительно глубины и продолжительности кризисных потрясений. Эксперты, включая исполнительного секретаря ЭКЛАК Алисию Барсену, считают, что Латинскую Америку ждет очередное «потерянное десятилетие» — закрытие 2,6 млн предприятий, дополнительные сложности с доступом к внешним источникам финансирования, дальнейшее увеличение долговой нагрузки на экономику, рост безработицы, расширение ареала бедности [25]. Все это крайне затруднит процесс выхода из системного кризиса, поскольку может повлечь за собой повышение социальной напряженности, новый подъем протестных выступлений и трудно предсказуемые политические изменения. Словом, Латинскую Америку ждут очень непростые времена.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Yákovlev P.P. América Latina en el epicentro de la “Tormenta perfecta”. *Iberoamérica*, 2016, № 4, pp. 5-32.
2. Яковлев П., Яковлева Н. Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 7. сс. 88-97 [Yakovlev P, Yakovleva N. Protestnyi potentsial Latinskoi Ameriki: regional'nyi srez global'nogo

- fenomena [Protest Potential of Latin America: Regional Aspect of Global Phenomenon]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, tom 64, N 7, pp. 88-97. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7
3. Яковлев П.П. Латинской Америке необходим экономический форсаж. *Латинская Америка*, 2020, № 2. сс. 6-18. DOI: 10.31857/S0044748X0008141-4
 4. Roubini N., Rosa B. The Making of a 2020 Recession and Financial Crisis. 13.09.2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/financial-crisis-in-2020-worse-than-2008-by-nouriel-roubini-and-brunello-rosa-2018-09?barrier=accesspaylog> (accessed 30.04.2020)
 5. NBER. Determination of the February 2020 Peak in US Economic Activity. Available at: <https://www.nber.org/cycles/june2020.html> (accessed 12.06.2020)
 6. *Copper Price Today*. Available at: <https://markets.businessinsider.com/commodities/copper-price> (accessed 13.06.2020).
 7. El-Erian M. Las cuatro etapas del impacto económico del coronavirus. *Cinco Días*. Madrid, 29.02.2020.
 8. Roubini alerta de que la crisis del coronavirus ocasionará “una década de desesperación”. *El Economista*. Madrid, 28.05.2020.
 9. International Monetary Fund. *World Economic Outlook Database*. Available at: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.CD&country=> (accessed 29.05.2020).
 10. Transparency International. CPI 2019: Global Highlights. Available at: <https://www.transparency.org/cpi2019?news/feature/cpi-2019> (accessed 11.06.2020).
 11. Яковлева Н.М. Латинская Америка: социально-политический контекст протестной активности. *Перспективы. Электронный журнал*. 2020. № 1 (21). сс. 66-81. [Yakovleva N.M. Latinskaya Amerika: sotsial'no-politicheskii kontekst protestnoi aktivnosti [Latin America: the socio-political context of protest activity]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*. 2020, N 1 (21). pp. 66-81. (In Russ.). DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-66-81
 12. Rodríguez Pinzón E. La movilización social sacude América Latina. *Estudios de Política Exterior*. Madrid, enero-febrero 2020, no. 193. Available at: <https://www.politicaexterior.com/articulos/politica-exterior/la-movilizacion-social-sacude-america-latina/> (accessed 03.06.2020).
 13. Crisis políticas y sociales ponen a prueba la gobernabilidad en América Latina. *Revista América Economía*. 31.12.2019. Available at: <https://www.americaeconomia.com/politica-sociedad/politica-sociedad/crisis-politicas-y-sociales-ponen-prueba-la-gobernabilidad-en-america> (accessed 10.04.2020).
 14. Malamud C., Nunez R. América Latina: “del exitismo” al pico de la pandemia. 5.06.2020. Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/riecano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari79-malamud-nunez-america-latina-del-exitismo-al-pico-de-la-pandemia (accessed 10.06.2020)
 15. Neiburg F. La politización de la pandemia, los féretros vacíos y el abismo brasileño. Nueva Sociedad. Mayo 2020. Available at: <https://nuso.org/articulo/Brasil-Bolsonaro-coronavirus/> (accessed 10.06.2020).
 16. Johns Hopkins University. Coronavirus Resource Center. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/data/mortality> (accessed 15.06.2020).
 17. Denuncian que el régimen de Nicaragua promueve eventos públicos mientras Ortega y Murillo “están cuarentenados en alguna isla privada” por el coronavirus. Infobae.com. 06.04.2020.
 18. Mesa-Lago C. Cuba: crisis económica, sus causas, el COVID-19 y las políticas de rescate. 10.06.2020. Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/riecano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari83-2020-mesa-cuba-crisis-economica-causas-covid-19-y-politicas-de-rescate (accessed 14.06.2020).
 19. Bravo Regidor C., Beck H., Iber P. El primer año del México de AMLO. Nueva Sociedad. # 287. Mayo-Junio 2020. Available at: <https://nuso.org/articulo/Lopez-obrador-mexico-izquierda/> (accessed 14.06.2020).
 20. Natanson J. Argentina, el virus y el presidente. Nueva Sociedad. # 287 / Mayo-Junio 2020. Available at: <https://nuso.org/articulo/argentina-el-virus-y-el-presidente/> (accessed 12.06.2020).
 21. Bielsa M.E. "Estamos viviendo una crisis que es mucho más compleja que la de 2001". El Litoral. Santa Fe. 20.04.2020. Available at: https://www.ellitoral.com/index.php/id_um/235552-estamos-viviendo-una-crisis-que-es-mucho-mas-compleja-que-la-de-2001-entrevista-a-maria-eugenia-bielsa-politica.html (accessed 12.06.2020).

Наиля Яковлева, Петр Яковлев

22. Coronavirus en Argentina: un informe asegura que la pandemia profundizó las desigualdades económicas en la Ciudad de Buenos Aires. Infobae.com. 19.05.2020.

23. Labarthe S. ¿Qué pasa en Ecuador? Covid-19, crisis sanitaria y conflictividad política. Nueva Sociedad. Abril 2020. Available at: <https://nuso.org/articulo/que-pasa-en-ecuador/> (accessed 13.06.2020).

24. Torres R. Rompecabezas económico cubano frente a la pandemia. Nueva Sociedad. Abril 2020. Available at: <https://nuso.org/articulo/el-rompecabezas-economico-cubano-frente-la-pandemia/> (accessed 13.06.2020).

25. CEPAL. En evento del 50° aniversario de la CAF, CEPAL destaca rol de banca de desarrollo regional para apoyar a los países frente a la crisis del COVID-19. 11 de junio de 2020. Available at: <https://www.cepal.org/es/comunicados/evento-500-aniversario-la-caf-cepal-destaca-rol-banca-desarrollo-regional-apoyar-paises> (accessed 14.06.2020).

Nailya M. Yakovleva (nel-yakovleva@yandex.ru)

PhD in History, Senior researcher at the Center of Political Studies, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Science

B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Petr P. Yakovlev (petrp.yakovlev@yandex.ru)

Doctor of Economics, Chief of the Center of Iberian Studies, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation;

Professor of Plekhanov Russian University of Economics

Stremyanny per., 36, 117997 Moscow, Russian Federation

Three waves of the systemic crisis in Latin America

Abstract. At the turn of the second and third decades of the XXI century Latin America was swept by waves of a systemic crisis; once again, Latin American countries entered a zone of increased turbulence. A characteristic feature of the current stage of crisis shocks was a test of the strength of all existential structures of the region's mode of life (already experiencing bad times) with the unprecedented COVID-19 pandemic. The coronavirus epidemic, which put a number of Latin American countries on the brink of survival, arose in the context of a worsening economic condition, close to the collapse of the social situation, political instability, and emphasized the existing and emerging "pain points" in the countries of the region. Thus, in Latin America a closely intertwined triune space of systemic failure has formed: an economic collapse, an aggravation of the socio-political situation and problem areas in the field of healthcare. The article describes these three components of the systemic crisis: it analyzes the economic collapse of modern Latin American populism, draws a social landscape against which mass protests in 2019 developed and, finally, the reasons for the region getting into the epicenter of the COVID-19 pandemic are revealed, despite the maximum geographical distance of Latin America from the focus of the onset of coronavirus.

Key words: Latin America, economic crisis, populism, social situation, mass protests, pandemic COVID-19.

DOI: 10.31857/S0044748X0011327-8

Received 15.06.2020.